

ГЛАВА 1

Серебряная ложка, сточенная с одного бока, словно идущий на убыль месяц, мелодично звякает о край стакана. Казалось, мама с интересом смотрит, как на поверхности чая юлой вращается долька лимона.

— Мне приснился нехороший сон, — говорит она бесцветным голосом, не поднимая глаз.

И долгая пауза. Ольга привыкла к тому, что мама всегда пересказывает ей свои плохие сны. Где-то мама вычитала, что надо обязательно пересказать близкому человеку содержание такого сна, чтобы он не сбылся. «Как это скучно и неинтересно!» — думает Ольга, но виду не подает, и мама молчит ровно столько, сколько считает нужным.

— Мне приснилось, что ты спускаешься по лестнице в ночной рубашке...

— Что ж здесь нехорошего?

— ...в ночной рубашке, насквозь пропитанной кровью. И смеешься...

Ольга быстро забывает об утреннем разговоре и плохо скрытом беспокойстве мамы. На работе готовят отмечать юбилей директора, и веселая суэта напрочь выметает из ее сознания все тягостные мысли.

* * *

Он долго стоял у витрины, и Ольга успела рассмотреть его. Сухошавый, стрижка почти под «ноль», лицо загорелое, очень спокойное — казалось, этот парень никогда не суетится, не кричит, не выплескивает эмоции. Над правой бровью — шрам.

Наконец он нашел, что искал, — кожаные перчатки без пальцев. Ольга спрашивает:

— Вам для велосипеда или для атлетики?

Он отвечает:

— Для «калашникова».

Она не поняла его, дала первые попавшиеся. Он расплатился и ушел.

* * *

Глеб прикатил на новой машине. Какая-то накрученная модель «БМВ» — с телевизором, бортовым компьютером, сиденья, как живые, под пассажира подстраиваются, люк над головой, кондиционер. Глеб был очень гордый. Пока Ольга магазин опечатывала и ставила на охрану, он ходил кругами вокруг машины — то так на нее посмотрит, то этак, ногой по колесу постучит, какую-то невидимую пыль с капота смахнет.

Они сели. И тут началось! Глеб надулся, как индюк, стал такой важный, самовлюбленный. Мчится как угорелый, всем сигналит, на встречную выезжает. Какого-то несчастного «Запорожца», который ему вовремя дорогу не уступил, так обматерил, что Ольга от стыда чуть сквозь сиденье не провалилась.

— Тридцать тысяч цена, — говорит Глеб. — Одна лампочка для фары двести баксов стоит.

За полчаса он все уши прожужжал, сколько чего в этой машине стоит, какая она крутая и для каких важных персон предназначена. Ольга сидела молча и удив-

лялась: как транспортное средство может изменить человека! Да и машина-то не новая...

У метро «Рязанский проспект» она попросила его остановиться. Соврала, что должна в поликлинику зайти. Домой доехала на метро.

* * *

Фантастика! Ольга смотрит телевизор, пьет чай с пончиками. Показывают репортаж про наших ребят в Чечне. И вдруг она узнает того парня, который у нее перчатки покупал. Перед камерой позирует группа бравых парней в тельняшках, в черных платках, с автоматами наперевес. А он сидит в середине группы, какой-то малозаметный, в нелепой коричневой пижаме с белым воротничком, очень бледный. Корреспондент протягивает ему микрофон, и он говорит:

— Передаю привет своей любимой девушке Катьше. Я скоро вернусь...

Ольга вскочила, кричит:

— Мама! Иди сюда! Я этого парня в магазине видела!

Но пока мама пришла, уже про погоду началось.

Ольга долго еще была под впечатлением.

— Вот, — говорит, — как мир тесен. Парень с войны вернулся, а я об этом даже не догадывалась. Если б знала, то повежливей бы с ним разговаривала.

Мама как-то странно взглянула на нее и спрашивает:

— А с Глебом-то у тебя как? Он тебе предложение еще не сделал?

— Нет, — отвечает. — У Глеба теперь другая подружка. «БМВ» ее зовут. Иностранка.

Мама чуть в обморок не хлопнулась. Пошла на кухню за валидолом.

* * *

Этот парень снова в магазин пришел. Кладет перчатки на прилавок.

— Извините, малы оказались. У меня ладонь широкая.

— Сейчас поменяю, — говорит Ольга. — А я вас по телевизору видела.

Он кивнул:

— Запоздал репортаж. Я уже три дня как дома.

Она поглядывает на него уже с любопытством. Нарочно долго ищет перчатки нужного размера.

— Ну и как? — спрашивает она. — Страшно там?

А он без всякой рисовки:

— Страшно.

Ольга представила, как бы Глеб ответил на этот вопрос: «Да ты че, подруга! Мы там всех мочим налево и направо...» Впрочем, о чем это она? Сравнить начинает?

Парень тоже не спешит уйти. Стоит, рассматривает ее лицо.

— Что это вы на меня так странно смотрите? — спрашивает она.

— Красивая, — отвечает он. — Я по красоте соскучился. Война — уродина. Как вспомнишь, так с души воротит.

Ей вдруг жалко его стало. Спрашивает:

— Как вас зовут?

Он представился по-армейски:

— Сергей Рябцев. Сержант разведроты.

* * *

Что с ней? По вечерам она не пропускает ни одного репортажа из Чечни. Смотрит затаив дыхание. Мама в эти минуты закрывается на кухне. У нее от телевизора

давление подскакивает. А Ольге интересно. Раньше она воспринимала эту войну, как песчаные бури на Марсе. А лишь познакомилась с Сергеем, в ней что-то перевернулось. Внутренний голос бормочет: «Все это чепуха. Мимолетное увлечение. Тебя всегда привлекали экзотика и экстремальные виды спорта. Чечня — это что-то отдаленно похожее». Она с этим голосом не спорит. Смотрит, и все.

* * *

Погода — ужасная, мокрый снег с дождем, порывистый ветер. У людей зонтики наизнанку выворачиваются. А у Ольги, как назло, ни зонтика, ни плаща. Выходит из магазина, стоит на крыльце и не знает, что делать.

И тут видит Сергея. Они кивают друг другу, как старые знакомые.

— Что? — спрашивает Ольга. — Опять перчатки малы?

Он смеется:

— Нет. Просто тебя хотел увидеть.

Они идут под его зонтиком к метро. Ольга пытается разговорить Сергея на чеченскую тему, вытягивает каждое слово клещами.

— Зачем тебе это? — спрашивает он.

— Хочу понять, обманывает телевидение или нет.

Он подумал и отвечает:

— Я ведь тебя тоже обману.

И тут вдруг у нее с языка срывается:

— А любимую девушку Катю ты тоже обманываешь?

Уже через мгновение она пожалела, что спросила об этом. Сергей остановился, и Ольга почувствовала, как напряглись его бицепсы. Порыв ветра поднял во-

ротник на ее курточке, она отвернулась. Но все же успела заметить, какое выражение было на его лице. Гри-маса боли, будто она ударила его по открытой ране.

* * *

Глеб рассказывал, как он вчера ходил в казино, где проиграл полторы «штуки» баксов. Ольга слушала, слушала, а потом нечаянно зевнула. Его покорило.

— Тебе что — неинтересно со мной?

Она молчит, а он все допытывается: интересно или нет. Ольга разозлилась и как крикнет:

— Неинтересно!

Он пожал плечами и пробормотал:

— Ну, подруга! Я уж и не знаю, чем тебя еще развлечь! Может, ты влюбилась?

— Может!

* * *

Наверное, мама увидела из окна, как Сергей про-вожал Ольгу до подъезда.

— Оля, — говорит она. — Кто этот молодой чело-век?

Она отвечает:

— Сергей Рябцев, сержант разведроты. Он недавно приехал из Чечни.

Мама тотчас встала в свою любимую позу, подбо-ченясь.

— Замечательно! Просто замечательно! Потря-сающе!

Ольга сыграла удивление:

— А чего ты так волнуешься?

Мама взмахивает руками:

— Конечно! Волноваться нет причины! Мало тебя

судьба потрепала? Ты хочешь еще и молодой вдовой стать? А ты ему сказала, что у тебя есть дочь?

Она затыкает уши и громко поет. Мама и дочь расходятся в разные комнаты, весьма недовольные друг другом. Через полчаса сидят в обнимку на диване и плачут.

* * *

Она умеет слушать, и потому, наверное, все подружки любят поплакаться ей в жилетку. Серега тоже почувствовал в ней благодарного слушателя. Он рассказал, как они зачищали Гудермес. Потом — про Сержень-Юрт. Потом — про площадь Минутка. Разволновался, глаза блестят.

— Не повстречал бы я в своей жизни этих ребят, — говорит он, — никогда бы не знал, как был богат и как много потерял, когда они погибли... Обидно. Таких друзей можно встретить только на войне.

Она хотела возразить, но не нашла веских аргументов. Молча сидела и смотрела на его руки.

* * *

Она стоит с Сергеем у метро. Вдруг подходит рослый парень.

— Серега! Здорово! Как хорошо, что я тебя встретил!

Обнимаются. Сергей представляет Ольге парня:

— Это Дима Новиков. Мы с ним в первую чеченскую войну Грозный брали.

Парень бережно пожимает ей руку:

— Если не ошибаюсь, вы — Катя?

Ольга отвечает:

— Ошибаетесь! Я Оля.

Парень язык прикусил, а Серега вмиг помрачнел.

— Ну и ладно! — торопливо говорит Дима, стараясь смягчить неловкую ситуацию. — Какая разница — Катя, Оля?

— Действительно, — отвечает Ольга. — Никакой разницы... Да, Сережа?

Она выжидающе смотрит на него, а он молчит, как воды в рот набрал. В ней вдруг все вскипело, она повернулась и пошла по улице. Он догоняет, берет под руку.

— Отпусти! — кричит она.

А он спокойно:

— Оля, нам надо объясниться.

— А зачем? Ты хочешь узнать, что я уже была замужем, что у меня трехлетняя дочь и больная мама? А я узнаю, что у тебя в каждом районе есть своя Катя или Маша, которым ты с упоением рассказываешь про свои подвиги, а потом передаешь им приветы с экрана телевизора?..

Он дает ей пощечину. Ольга — девушка не из робкого десятка, тоже замахивается, и тут вдруг между ними вырастает Дима:

— Олюшка, давайте обойдемся без разборок. У Сереги весь живот шрамами исполосован, он только из госпиталя. А вот через пару месяцев можно, тогда и дадите ему сдачи.

Она так и застыла с поднятой рукой.

* * *

— Куда ты меня везешь? — спрашивает она у Глеба.

Он искоса смотрит на нее и загадочно улыбается. От него пахнет дорогим одеколоном, прическа — волосок к волоску.

— Знаешь, где я стригся? — спрашивает он и называет фамилию известного стилиста. — Сто пятьдесят баксов отдал.

— Круто, — оценивает она.

Он молчит и как-то странно поглядывает на нее.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спрашивает.

— Тебе идет эта стрижка.

— Я не о том.

— А о чем?

— Твоя мама говорит, что ты снюхалась с каким-то солдатом. Это правда?

Сколько в его голосе презрения!

— Правда, — подтверждает Ольга. — Снюхалась!

Глеб усмехается. Это его забавляет.

— Ты что — серьезно? А у него хватит денег показать тебя на метро?

Она хотела сказать Глебу что-нибудь дерзкое, но в душе вдруг стало пусто и тоскливо.

* * *

Тепло, как ранней осенью. Солнце нежное, словно ладошка ребенка. Закроешь глаза, и кажется, что ты где-то на берегу теплого моря и шумит прибой, восторженно пищат дети, пахнет свежестью.

Они сидят на бульваре, пьют пиво. Сергей проводит ладонью по ее щеке. Она смеется и говорит, что его ладонь напоминает черствую горбушку. Он смущенно рассматривает свои мозоли и что-то бормочет про перчатки, которые купил у нее в магазине.

Вдруг в его кармане пиликает мобильный. Серега прикладывает трубку к уху, лицо его становится напряженным.

— А орденскую книжку забрал? — спрашивает он у кого-то. — Там печать есть, подпись стоит? Точно?.. Хорошо, через полчаса!

Он смотрит на нее, кусает губы:

— Нужна твоя помощь.

На перекрестке они встречаются с Димой Новиковым, прыгают в его машину и мчатся на другой конец Москвы. По дороге Дима поясняет:

— Нашего сослуживца наградили орденом «За личное мужество». Я получил его в наградном отделе, теперь надо вручить.

Ольга спрашивает:

— А что ж ваш сослуживец сам за наградой не приехал?

Дима и Серега переглядываются.

— У него ноги не работают, — отвечает Сергей.

Им открывает запуганная седая женщина.

— Я не уверена, — произносит она, опуская глаза, — что вам удастся с ним поговорить.

Что означают эти слова, Ольга понимает через минуту. Едва Дима приоткрывает дверь комнаты, как оттуда доносится крик:

— Пошли вон! Я никого не хочу видеть!

У женщины на глазах слезы. Она оправдывается перед Ольгой:

— Ни с кем не хочет говорить. Первые дни пил сильно и плакал, а потом зачерствел, никому не верит, ничего не хочет. Боюсь, как бы он с собой чего-нибудь...

У Ольги от волнения все холодеет в груди. Зачем она приехала?

— Леша! — через дверь говорит Серега. — Тебя орденом наградили.

— Выброси его в мусоропровод! — кричит из-за двери Леша. — Мне ноги нужны, а не ваш дурацкий орден!

— Леша, — произносит Серега. — Ребят, которые там полегли, тоже наградили. Одним указом с тобой.

За дверью раздается ругань, сдавленный стон, что-то с грохотом падает на пол.

— Не входите, — бормочет женщина. — Он может швырнуть бутылку.

— Психолога надо вызвать, — предлагает Дима.

И тут Ольгу вдруг потянуло на подвиги.

— Давай орден! — говорит она Сереге и, прежде чем он опомнился, вошла в комнату.

Кровать. Стол. Большое окно без штор и карниза. Посреди комнаты в кресле-каталке сидит худой парень в тельняшке. Щеки его небриты, волосы взлохмачены.

— Привет, — говорит Ольга и чувствует, как у нее подкашиваются ноги. — Вот твой орден. Можно, я прикреплю его тебе?

Леша раскрывает рот, чтобы послать ее подальше, но вдруг с облегчением выдыхает воздух и угрюмо спрашивает:

— Ты кто?

Она отвечает:

— Продавщица отдела спортивных товаров.

Наверное, у нее очень глупое выражение на лице, но на Лешу оно действует благотворно. Она набирается храбрости, подходит к нему, приседает и начинает дырять шпилькой тельняшку на его груди. Он сопит, терпит.

— Как ты сюда попала?

— С Серегой и Димой, — отвечает она. — Мы недавно познакомились.

Она отходит на шаг, любуясь орденом.

— Вроде ровно... А у тебя есть что-нибудь выпить? Кажется, ордена принято обмывать.

Леша покрывается пурпурными пятнами. Он смотрит на нее то ли как на ископаемое, то ли как на икону.

— Оля, — представляется она и протягивает ему руку. — Очень рада познакомиться.

За ее спиной тихо скрипнула дверь. Их уже четверо в комнате.

Ольга придирчиво оглядывает комнату.

— Это плохо, — говорит она.

Леша кивает на кровать и срывающимся от волнения голосом предлагает:

— Можно сесть на кровать!

Она отрицательно качает головой:

— Да нет, я не о том. Плохо, что у тебя нет гантелей.

— Чего нет?! — с какой-то скрытой агрессивностью переспрашивает Леша.

Она мысленно вспомнила бога и скороговоркой произнесла:

— Я подберу тебе комплект гантелей и эспандеров. И специальную программу тренировок по Дикулю...

Кто бы видел эти глаза! Как он смотрел на девушку! А потом вдруг в нем что-то оттаяло. Он протянул руки и забормотал:

— Олюшка... Серега... Димка...

Они все четверо обнялись, и тут воля Ольги сломалась, а глаза превратились в Ниагарский водопад. Она прижималась лбом к небритым Лешкиным щекам и редела...

* * *

Ну вот, едва дождалась конца рабочего дня! Все время думала про Серегу! До сквера, где они обычно встречаются, бежала и едва не сломала каблук.

Уже издали увидела его. А рядом — вот это финт! — какая-то красotka в коротком кожаном плаще.

Подходит. Сергей увидел Ольгу, нахмурился.

— Извини, — говорит он красотке. — Я должен идти.

А красotka оценивающе осмотрела Ольгу — с головы до ног, вынула из сумочки сигареты, закурила.

— А почему ты нас не познакомишь? — спрашивает она у Сергея.

А тот уже мрачнее тучи.

— Оля, — представляет он, а потом кивает на девушку: — Катя.

Ольга протягивает руку, а девушка так ненавязчиво:

— Оленька, можно с вами поговорить тет-а-тет?

Они отошли в сторону. Ольга замечает, что Катя расслабляется, становится сама собой.

— Дура ты, — говорит. — Ты себе хочешь жизнь поломать?

Ольга пожимает плечами:

— Не понимаю, о чем ты.

— Не понимаешь? — усмехается Катя. — Я была такой же глупой. Впустила его себе в душу — и все! Жизнь кончилась! Все вокруг веселились, смеялись, чему-то радовались, а я сходила с ума, когда по телевизору говорили о потерях в Чечне. Я почтальона каждый день в подъезде встречала, и меня колотило, как лихорадочную. Я забыла, что такое спать спокойно. Я возненавидела людей, которые шли мне навстречу и улыбались. Я на рынок перестала ходить, чтобы не сорваться... Все, хватит. Кто-то умеет ждать, а я нет. Я слабая женщина, я не способна выдержать разлуку. И Сергей меня понял. Мы расстались друзьями.

— Спасибо, — говорит Ольга. — Очень ценные советы. Я обязательно приму их к сведению.

— Ну-ну, — кивает Катя.

Ольга поворачивается и идет к Сергею. Она улыбается. Он смотрит ей в глаза. Нет, он рассматривает ее глаза, словно в них — мелкий текст, какая-то очень важная тайна, ответ на вопрос, который долго-долго мучает его.

* * *

Ксюшка спит. Ольга опускается на колени перед ее кроватью, касается лицом ее волос. Девочка тихо сопит. Ольга целует ее волосы, ладошки. И думает: «Девочка моя! А будет ли он тебя так же любить?»

* * *

Неожиданная встреча! Ольга с Сергеем только вышли из парка, как нос к носу столкнулись с Глебом. Серега протянул ему руку, представился. Глеб холодно поздоровался, скользнул по нему взглядом.

— А где твоя роскошная машина? — спрашивает Ольга.

Глеб мнетяся, кривит губы.

— Ворованная оказалась, — неохотно отвечает он. — При регистрации в ГИБДД выяснилось. Поставили на прикол, разбираться будут.

Возникло неловкое молчание. Глеб вдруг предлагает:

— А хотите в ресторан? Я угощаю!

Ольга смеется:

— Глеб, дорогой! Мы только что поели. Разогрели на костре рисовую кашу с мясом в жестяных банках.

Глебу грустно. Кашу из солдатского пайка он нигде купить не сможет.

* * *

Красивая сказка закончилась. Ольга только теперь в полной мере поняла, что такое война.

Они договорились встретиться, но он не пришел. Она позвонила ему вечером — трубку взяла его мама.

— А Сережа улетел в Чечню, — говорит она. — Их собрали по тревоге.

И Ольга сразу поняла и простила Катю.

Она сходила с ума, когда по телевизору передавали сообщение о расстреле нашей колонны в Грозном.

Ей стали неприятны люди, которые, как могло показаться, беспричинно веселятся.

Она стала с ужасом заглядывать в почтовый ящик.

Но еще она поняла, что любит Сергея. Она будет ждать его страшные три месяца командировки, будет считать дни до встречи, будет молиться, чтобы судьба уберегла его от пули, гранаты или мины. Она сама взвалила на себя этот крест, но не ропщет, ни о чем не жалеет, потому как не представляет себя счастливой без него.

Каждый вечер она уединяется в комнате, садится за стол под лампой, берет чистый лист бумаги и пишет: «Здравствуй, мой сержант!»

А мама плачет.

ГЛАВА 2

Ольга приходит домой, опускает на пол сумки с продуктами, но не слышит привычного топота.

— Мам! — кричит она из прихожей. — А где Ксюшка?

Мама появляется из кухни. На ней фартук, в руке ложка.

— Ты не волнуйся, — говорит она. — Приходил Глеб, взял ее погулять.

— Как это — «взял погулять»?! — возмутилась Ольга. — Она что, собачка?

И как хлопнет дверью!

В лифте немного успокоилась. Бедная мама! Она сердцем ее понимает, а умом нет.

Ольга выскочила на улицу, платок на ходу повязала. Где они могут быть? На детской площадке? На горке? Или пошли в парк?

А уже темно. В свете фонарей падают снежинки. От сугробов исходит голубое сияние. Редкие прохожие движутся как тени. «Ну, Глебушка! — со злостью думает она. — Найду — убью!»

Добежала до бульвара. Около универсама увидела машину Глеба. Всмотрелась — они идут навстречу. Глеб Ксюшку за руку ведет, а она свободной рукой огромного леопарда к себе прижимает.

— Мама! — кричит девочка. — Он такой тепленький и пушистенький! Не бойся, он не кусается!

Вся злость куда-то улетучилась. Как говорил Серега, в ход пошла тяжелая артиллерия. Глеб решил штурмовать сердце Ольги через другие ворота. Ольга остановилась как вкопанная, кончик платка покусывает.

— В честь чего праздник? — спрашивает.

Глеб подошел, остановился. Ольга чуть живая. Кажется, сердце замерло. Ну, чего молчит? Чего тянет?

— Соскучился, — отвечает.

Она с облегчением вздохнула. Хорошо, не стал предложение делать.

Они сели в машину погреться.

— Хорошенький мой! Мохнатенький! — тихонько воркует на заднем сиденье Ксюшка. У Ольги ком стоит в горле.

— Ты хорошо выглядишь, — говорит Глеб, глядя на Ольгу с улыбкой. — Что-то давно не видно твоего бойфренда.

Она знает, мама сказала Глебу, где сейчас Сергей, и потому продолжает молчать. Глеб вдруг хлопает себя по лбу.

— Забыл тебе один приколы показать, — говорит он и вытаскивает из-под сиденья какую-то мятую газетку. — Слушай! «Как рассказывают сами федералы, самые дорогие девочки в Грозном и на границе с Дагестаном. Дешевле всего — в предгорных районах Чечни.

Как правило, блокпосты удовлетворяются одной девицей на всех, расплачиваясь потом с ней тушенкой или водкой. Проституток это вполне устраивает. От желающих провести ночь со взводом солдат отбоя нет...»

Он поднимает взгляд. Ольге хочется ударить его по щеке, но ей жаль чувств Ксюшки. Она смотрит на Глеба и сжимает зубы изо всех сил. Ей кажется, будто ее посадили в глубокую яму и от ее ребенка требуют выкуп.

* * *

Почта работает безобразно: то несколько дней нет ни одного письма, то вдруг потом приходит сразу четыре! Серега, как нарочно, не ставит под письмами дат, и Ольга, читая, теряется: что было раньше, а что позже.

В воскресенье навестила Лешку. Он очень радуется, когда она приходит, и выглядит неплохо — опрятно одет и гладко выбрит. Ольга не говорит ему, когда придет в следующий раз, — пусть ждет каждый день. Это заставляет его держать себя в форме.

Он тренируется по методике Дикуля, которую она ему принесла. Уже запросто выжимает каждой рукой по двадцать кило. Ольга садится на стул и смотрит, как он работает с гантелями. Для него теперь это смысл жизни. Она сидит и просто молча смотрит. А он демонстрирует ей силу. Он словно говорит: «Смотри, я сильный! Я мужик! Я пить бросил! Я обязательно встану с этой коляски!»

Он опускает гантели на пол, вытирает вспотевшее лицо полотенцем и закидывает его за шею.

— Самое обидное, — говорит он, — что я ничего не успел сделать... Вспышка, потом удар по ушам — как будто в лицо петарду пустили, и все. Темнота... Казалось, что всего мгновение был в отключке. Открываю глаза и ничего не вижу. Что-то на лице лежит. Оказы-

вается, это моя рука. В госпитале иголками кололи — ничего не чувствовал. Болталась вдоль тела, как плеть. А теперь у меня бицепс сорок сантиметров в окружности...

Потом они пьют чай. Лешка все время кидает на Ольгу вопросительные взгляды.

— Ты знаешь, — говорит он, — Серега очень, очень хороший парень. Я жизнью ему обязан. Это ведь он вытащил меня тогда из-под обстрела. Мог на плечо взвалить, но побоялся, что меня снайпер добьет. Так и тащил волоком, собой закрывая... Что-то ты побледнела!

Он не на шутку испугался за нее. С опозданием прикусил язык. А у нее перед глазами — туман. Сердце колотится, крик к горлу подступает. Она не помнила, как вышла из квартиры. У двери лифта Лешкина мама догоняет.

— Ты уж прости его, дочка, — шепчет она и по плечу ее гладит. — Он с тобой, как со своими ребятами, — все о войне да о войне. Ему бы с девушками больше общаться. Может, у тебя подружка свободная есть?

Ольга поняла, что не о подружке речь, а о ней.

— Нет у меня никакой подружки! — вдруг резко ответила она, повернулась и побежала по лестнице. Там уже дала волю эмоциям. Она устала, устала, устала!

* * *

Ксюшка спрашивает:

— Мама, а скоро придет дядя Глеб? Он такой добрый!

Ольга молчит и продолжает лепить пельмени. Они так и выпрыгивают из ее рук. Мама делает вид, что не услышала вопроса внучки. Но Ольга-то знает, что сейчас у нее на уме.

По экрану телевизора бежит секундная стрелка.

Сейчас начнутся новости. Мама вдруг встает из-за стола, вытирает выпачканные в муке руки и выключает телевизор.

— Хватит, — говорит она. — Пожалей себя!

Не говоря ни слова, Ольга включает его опять. Ксюшка смеется, она думает, что мама с бабушкой играют. Эта холодная война продолжается уже второй месяц. Конфликт неразрешим, потому что Ольга любит маму, а мама любит ее, но их цели несопоставимы.

Но сегодня, похоже, терпению мамы приходит конец. Она дожидается, когда Ольга досмотрит новости из Чечни, садится напротив и пристально смотрит дочери в глаза.

— Оля, — говорит она, — ты можешь мне ничего не отвечать и остаться при своем мнении. Только выслушай меня.

Ольга знает, что она скажет. Она может угадать это почти дословно. Сначала мама напомнит Ольге о ее возрасте. Затем о непредсказуемости жизни. Оттуда — логический переход к необходимости думать о будущем Ксюшки. Мама скажет, что ребенку нужен отец и этот человек обязательно должен крепко стоять на ногах и уверенно смотреть в завтрашний день. И в конце концов мама мягко обмолвится о Сергее. Дескать, он хороший парень, но на войне с ним может случиться всякое. К тому же он вовсе не обещал Ольге жениться на ней.

Самое страшное, что мама права. Она всегда права. Она не ошибается. Она смотрит только вперед.

* * *

Иногда ей кажется, что она забыла его лицо. Хватает фотографии, на которых они с Сережей в Кускове, перебирает и успокаивается. Его лицо по-прежнему родное. Вот они дурачатся, катаются по траве. Вот, как

две кукушки, сидят на дереве. Вот он ее обнимает... Сейчас она понимает, как была счастлива с ним. А что такое счастье для молодой женщины? Чувствовать, что рядом есть сильный и честный человек, для которого она — центр Вселенной. А Ольга хочет быть центром Вселенной. Она хочет быть единственной и неповторимой. И с Сережей это дается ей без всякого усилия.

«Только вернулись с засады, — пишет он. — Промерзшие, усталые. Кое-кто из ребят, не раздеваясь, сразу упал на койку. А мне твое письмо передали. Ты не представляешь, какое это для меня счастье. Я на конверт несколько минут пялился, со всех сторон его рассмотрел, обнюхал, как ребенок шоколадку. Ребята смотрят на меня и хохочут. А я не могу вскрыть конверт. Пальцы не слушаются. Нагрел в кружке горячей воды, вымыл руки, сел поближе к буржуйке и только тогда стал читать. Письмо короткое, и я растягиваю удовольствие. Прочту одно предложение, закрою глаза и будто наяву вижу тебя с Ксюшкой. Милые, любимые мои! Только вы даёте мне силы пережить эту войну. Когда становится очень трудно, я говорю себе: «А если бы меня видела сейчас Оля?» Достану иконку, которую ты мне подарила (я всегда ношу ее у сердца), посмотрю на нее, мысленно прочту молитву, которую сам сочинил, и чувствую, как возвращаются силы. Не позволяю себе ходить небритым, пьяным или грязным, не позволяю быть грубым и жестоким, не позволяю забыть, кто я и зачем я здесь, в Чечне. Словом, остаюсь таким, каким ты меня любила. Когда мужчины стремятся быть достойными своих любимых женщин, война захлебывается, затухает. Все самое позорное и преступное совершается тогда, когда мужчина уверен, что любимая его не видит. Ты всегда со мной рядом. Тебе никогда не придется краснеть за меня...»

Она целует его письмо и танцует с ним по комнате.

* * *

Нежданно-негаданно в магазин пришла Катя. Неумело сделала вид, что зашла случайно.

— Здравствуй, милочка! — воскликнула Катя, увидев за прилавком Ольгу. — Как я рада тебя видеть!

Ольга понимает, что ей очень хочется с ней поговорить, но она не знает, как начать.

— Не мучайся, — помогает ей Ольга. — О Сергее хочешь спросить?

Катя хотела возмутиться, но вдруг сдалась и кивнула.

— У него все хорошо, — говорит Ольга. — Он скоро вернется.

— И что, ты его... э-э-э... все еще ждешь?

— Конечно, — весело отвечает Ольга. — Почему бы и нет? Хорошего человека можно ждать очень долго.

Бедолага даже в лице изменилась. Как ей хотелось, чтобы Ольга повторила ее поступок!

— И что, часто пишет?

— Каждый день.

Катя еще о чем-то хочет спросить, но к ней подходят два парня. Оба с косичками, один с серьгой в ухе, второй — в губе.

— О чем мурлыкаем? — говорит один, опуская руку на плечо Кате. — Подружка?

— Так, знакомая, — уклончиво отвечает Катя.

Ольга чувствует на себе пристальные взгляды. Парни смотрят на нее оценивающе. А ей почему-то становится жалко Катю. Они уходят, и Ольга еще долго смотрит им вслед.

* * *

Всем магазином выехали на пикник. Манасян взялся шашлыки готовить, Бахметьев на гитаре играет. Остальные в сугробах валяются. Весело! Директор про-

изнес первый тост. Говорил он долго и витиевато: про любовь, про верность, про тех, кто не с нами. До Ольги не сразу дошло, что он на нее намекает.

Потом к ней подошла Лариса, старший менеджер. Она выпила, ее потянуло на откровения.

— Вы молодцы, — говорит. — Крепко друг за друга держитесь. Не слушай никого. Так и надо.

Ольга сделала вид, что не поняла.

— Ладно тебе! — машет рукой Лариса. — Шила в мешке не утаишь. Твою историю у нас все знают. Кто-то иронизирует. Кто-то говорит, что ты просто глупая девчонка. А я тебе по-доброму завидую.

— А чего мне завидовать? — удивляется Ольга. Лариса как-то странно смотрит на нее, глаза ее блестят.

— Я вот со своим уже десять лет живу. И что? Мы чужие люди. Я ему не нужна. Любви нет, заботы нет. Бессмысленное существование под одной крышей... Как-то пришла поздно, думаю, с ума сходит, волнуется. А он крепко спит... «Чего тебе не хватает? — спрашивает. — Квартира есть, машина есть». Как ему объяснить, чего мне не хватает? У мужчины душа должна болеть за женщину. Хотя бы изредка он должен выползть из домашнего комфорта ради нее! Драться, страдать, добиваться!

Пластиковый стаканчик лопается в ее пальцах.

Ольге хочется ее успокоить, но она не может найти нужных слов. В своем несчастье человек всегда одинок.

* * *

Она сидит за прилавком, пьет кофе. Девчонки зовут:

— Оля, к тебе пришли!

Она встает и видит высокого худого парня со спортивной сумкой на плече. Он смотрит на девушку, мнет-

ся, переступает с ноги на ногу. Она сразу догадалась — из Чечни.

— Ну?! Что?! — кричит она. — Воды в рот набрали?!

— Успокойтесь, пожалуйста! Успокойтесь! — ожил он, улыбнулся и подошел к Ольге. — Я от Сергея. У него все в порядке. Мне отпуск по семейным дали...

— Что ж вы такой робкий! — сокрушенно качает головой Ольга и чувствует, как запоздалые слезы грузят глаза. — Вы мне так сердце посадите!

— Простите, я просто на вас засмотрелся, — пробормотал он, стягивая с лысой головы шапку.

Все, работа в магазине застопорилась. Все девчонки замерли, прислушиваясь к разговору.

— Я сразу догадалась, что вы оттуда, — сказала она, рассматривая лицо парня. Он был на Серегу немного похож. — Там герой, а здесь теряетесь!

— Там проще, — отвечает парень и ставит на прилавок свою сумку. — Все конкретно и понятно. Враг—друг. Любить—ненавидеть. Жить—умирать... А здесь все с середины на половинку.

— Ну, рассказывайте! — нетерпеливо поторапливает она. — Как он там?

— Да нормально! — отвечает парень и качает головой. — Ходим на боевые, сопровождаем колонны, отдыхаем.

— Ну да, — говорит Ольга, не в силах оторвать взгляда от его лица. — Отдыхаете. Могу представить... Он очень похудел?

— Да нет, не очень, — уклончиво отвечает парень. — Как все.

— А он не мерзнет? У него теплые вещи есть?

— Конечно, есть! — отвечает парень и машет рукой, мол, было бы о чем беспокоиться. — Буржуйку раскочегарим — как в бане жарко. А когда на маршруте ночевать приходится, то валимся все вместе в одну ку-

чу. А если наши псы к нам приткнутся, то вообще благодать! Знаете, как с овчарками в обнимку тепло?

— С овчарками в обнимку? — повторяет она, кусая губы, и уже не может сдержаться. Все, тушь потекла! Вместо лица теперь маска клоуна.

Парень открывает сумку и достает оттуда розу, сделанную из меди.

— Это вам к Новому году. Из артиллерийского снаряда, между прочим. Серега все свободное время с этой штукой возился. Сначала ножовкой пилил, потом под паяльной лампой лепестки закручивал...

Она берет розу. Тяжелая! Шипы острые, как настоящие.

— А вот это — вашей дочке! — Он протягивает забавного тряпичного волчонка в черной кожаной жилетке с кнопками и с армейскими пуговицами вместо глаз. — Серега его приручил. Больше не кусается.

— Вы давно его видели?

— Да вот только позавчера!

— Дайте вашу руку!

Он протягивает ей ладонь. Ольга жмет ее. Его рука грубая, теплая.

Он торопится уходить. У него скоро электричка на Ногинск, а там, на платформе, его ждет не дождетса мама.

Ольга прижимает к лицу волчонка. Он пахнет костром и хвоей.

— Ну что? — бормочет она. — Навоевался, малыш?

* * *

Она ходит словно по тонкому льду. Боится дышать. Боится громко говорить. Боится черных котов, перебегающих ей дорогу, боится выходить из дома, не глянув на себя в зеркало. Нервы натянуты до предела. Весь ее

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЮШЕВЫЙ ВОЛЧОНОК. <i>Повесть</i>	5
ЗАКОН ОРУЖИЯ. <i>Повесть</i>	215